

Независимая газета. - 11.07.2014

Александр Бартош, директор Информационного центра по вопросам международной безопасности при Московском государственном лингвистическом университете, член-корреспондент Академии военных наук

Политика и направления развития НАТО в измененном мире Quo vadis, NATO?

<http://nvo.ng.ru/upload/medialibrary/e38/23-5-1.jpg>

Руководство НАТО пытается определить стратегию трансформации блока под меняющиеся условия обстановки в мире. Фото Reuters

Современные векторы трансформации Организации Североатлантического договора задаются тремя процессами, во многом определяющими обстановку безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Это кризис на Украине, уход альянса из Афганистана и планируемый перенос центра тяжести стратегических интересов Вашингтона из евро-атлантической зоны в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Дополнительные штрихи к новой стратегии альянса были сделаны на состоявшемся в Брюсселе 24–25 июня Совете НАТО на уровне министров иностранных дел. Министры рассмотрели планы дальнейшего расширения НАТО, обсудили План действий по повышению боеготовности ОВС НАТО, провели дискуссию по спектру вопросов укрепления трансатлантических связей. Были приняты две новые инициативы по укреплению партнерских связей: оказание содействия партнерам по укреплению военных потенциалов и предоставление наиболее активным партнерам дополнительных возможностей по сотрудничеству с НАТО. Отдельно обсуждались проблемы Украины и постафганского урегулирования.

НАТО И КРИЗИС НА УКРАИНЕ

Кризис на Украине породил принципиально новую политическую ситуацию внутри альянса. Раньше источником трений между США и европейскими союзниками была, мягко говоря, разная готовность последних участвовать в боевых операциях за пределами зоны ответственности НАТО. Это операции в Афганистане и авантюра в Ираке, от участия в которой наиболее дальновидные страны НАТО поспешили решительно отмежеваться.

Подобные попытки выхода альянса на глобальный уровень энтузиазма у многих союзников в Брюсселе не вызвали.

С Украиной дело обстоит иначе. Это крупная европейская страна, граничащая с несколькими государствами – членами НАТО и одновременно находящаяся в зоне непосредственных интересов России. К этому обстоятельству Москва неоднократно привлекала внимание партнеров на Западе. Однако предостережения не были услышаны. По-видимому, в политике Запада проявились с новой силой стратегии США, описанные

российским политологом Александром Панариным: «...три направления американской стратегии во внешнем мире, связанные с оправданием однополярной диктатуры и созданием атмосферы, ее питающей: противопоставление правящих элит массам; противопоставление стран, согласившихся на роль американских сателлитов, их региональному окружению (в случае если оно считается враждебным США); насаждение «управляемого хаоса» в целях подкрепления миссии «американского народа» как последнего гаранта ускользающего порядка».

Реализация этих стратегий на Украине, технологии управляемого хаоса, применяемые Вашингтоном, активное вмешательство американцев во всех сферах государственного управления привели страну к гражданской войне и поставили ее на грань раскола. Для дальнейшего укрепления своего влияния США и НАТО используют на Украине скрытые способы применения военной силы: обучение, снабжение оружием, применение сил специального назначения и частных военных компаний, пополнение правительственных формирований наемниками из-за рубежа. Широко применяются подрывные информационно-коммуникационные технологии. В глобальном масштабе подобные действия расширяют спектр угроз международной безопасности от «цветных революций» до прямого военного вмешательства, а сами «цветные революции» становятся одним из основных источников расшатывания системы международной безопасности.

На фоне высокой активности США группа континентальных стран – членов альянса (Германия, Франция, Италия) относительно спокойно наблюдает за обстановкой, выражая опасения, связанные главным образом с возможными экономическими последствиями и нарушением поставок энергоресурсов. Европейцы много вложили в экономические проекты в России и весьма трепетно относятся к вопросам сохранения нормального делового климата во взаимных отношениях. От сдержанной европейской позиции заметно отличаются выступления Польши и стран Балтии, которые настойчиво добиваются для себя дополнительных гарантий безопасности. В русле этих требований президент Барак Обама обратился к Конгрессу с просьбой выделить 1 млрд долл. на усиление военного присутствия США в Центральной и Восточной Европе. Часть средств планируется израсходовать на военную помощь Украине.

Американцы стремятся использовать трагедию на Украине для укрепления своих позиций в Европе, прежде всего за счет лидерства в отношениях между Старым Светом и Россией. Европейцы продолжают рассчитывать на дополнительные финансовые «вливания» из-за океана и, в свою очередь, говорят о необходимости закрепления и наращивания присутствия США в Европе, что создает известную дилемму в свете декларированного Вашингтоном намерения о переносе центра тяжести американских усилий из Евroatлантики в АТР. Хватит ли у Вашингтона ресурсов на столь амбициозные проекты? А тут еще проблемы с Ираком...

Для поддержки американских усилий принято решение формировать новые каналы влияния на Украине, на этот раз за счет привлечения финансовых ресурсов НАТО. С этой целью альянс создает трастовый фонд поддержки оборонного потенциала Украины. Средства будут сосредоточены на реформировании вооружений, модернизации логистики, систем коммуникаций, командования и контроля, на обучении и тренировках личного состава. Таким образом, появляется еще один канал влияния Запада на важнейшую составляющую национальной безопасности страны.

ФИНАНСОВЫЕ АСПЕКТЫ

Стремясь облегчить собственное политическое и финансовое бремя, связанное с амбициями глобального доминирования, Вашингтон делает ставку на НАТО как на инструмент для продвижения своего влияния на довольно рыхлой с точки зрения

политического единства площадке Евросоюза. Американская администрация настойчиво призывает союзников к соблюдению финансовой дисциплины и требует от них доведения военных расходов до согласованного уровня 2% ВВП. Лишь Франция, Греция и Великобритания выделяют на военные нужды немногим более 2%, у остальных он равен 1,5% и меньше (у США в 2013 году данный показатель был на уровне 4,3%). Пока, впрочем, европейцы довольно спокойно относятся к таким упрекам, а политическая поддержка действий по наращиванию военных расходов остается в целом традиционно слабой.

Вашингтон и Брюссель обеспокоены и растущим дисбалансом военных расходов между НАТО и остальным миром. В то время как общий объем военных расходов стран – членов НАТО уменьшается, многие державы увеличивают ассигнования на оборону. В первую очередь в НАТО говорят о России, Бразилии, Ближнем Востоке с его соседями, а также о странах АТР. В 2012 году впервые за всю историю военные расходы азиатских стран в номинальном выражении превысили европейские. Считается, что в конечном итоге это может создать стратегическое несоответствие между потенциалом и стремлением этих стран оказывать влияние на мир и возможностями НАТО в этом отношении. За скобками, правда, остается тот факт, что военные расходы США превышают соответствующие статьи расходов всех стран мира, вместе взятых.

Учитывая растущее внимание Вашингтона к АТР, такое развитие обстановки в НАТО считают недопустимым и способным нанести ущерб преданности Америки Европейскому континенту. Предполагается исправить существующее положение вещей за счет создания нового баланса и оптимального распределения между союзниками бремени ответственности за трансатлантическую безопасность.

В конечном итоге кризис на Украине уже спровоцировал нарушения стратегического консенсуса внутри НАТО по ряду ключевых вопросов внутренней и внешней политики альянса, которые будут в центре дискуссий на предстоящем в сентябре саммите блока в Великобритании.

ПУТИ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

В рамках подготовки к саммиту руководители альянса с учетом меняющейся геополитической картины мира пытаются определить цели и задачи блока на перспективу, стратегию трансформации альянса с учетом опыта Афганистана и кризиса на Украине.

Кризис на Украине и опыт операции в Афганистане позволяют говорить о нескольких уроках, которые альянс намерен извлечь для себя в будущем. Считается крайне важным продолжить расширение способностей альянса по оперативному реагированию на самые разные кризисы современности – от предотвращения конфликтов до защиты от кибератак. Для эффективности таких действий НАТО должно обеспечить слаженность и совместимость личного состава и техники различных стран-союзниц с целью придать им способность наносить мощный коллективный удар, который либо не по силам, либо очень накладен для большинства стран, если они будут действовать в одиночку. НАТО намерено совершенствовать способность быстрого создания международных сил и потенциала управления ими за счет требуемой для этого гибкости и умения достигать политической солидарности участников.

Вывод из Афганистана в 2014 году Международных сил содействия безопасности, находившихся с 2003 года под непосредственным руководством НАТО, завершит самую масштабную операцию альянса за все время его существования. В ходе операции накоплен уникальный опыт применения сухопутных войск и авиации, современных систем оружия и военной техники, наработана практика организации многонационального взаимодействия.

Результаты анализа уроков операции в Афганистане альянс намерен «инвестировать» в различные проекты и программы собственного развития, что объективно приведет к существенной трансформации блока. Реализация таких планов потребует создания нового трансатлантического баланса с переносом бремени ответственности за обеспечение безопасности европейских членов НАТО, которые, по мнению Вашингтона, сегодня чрезмерно опираются на США к расширению вклада Европы.

Не вызывает сомнений, что Афганистан сместится на периферию интересов НАТО. Тем не менее альянс намерен активно действовать на всем пространстве «кризисной дуги», протяженность которой определяется им от зоны Сахель (между Сахарой и Суданом) до Центральной Азии. События в Ираке подтверждают наличие мощных источников нестабильности в ряде точек дуги. Такой размах потребует от союзников сохранения и совершенствования всего спектра возможностей, включая ПРО, киберзащиту, силы специальных операций, а также расширенное партнерство. Основное внимание предполагается уделить развитию натовского компонента ЕвроПРО, включая модернизацию корабельных систем ПРО стран альянса, что должно обеспечить их совместимость с соответствующими американскими системами. В области киберзащиты планируется наращивать мероприятия по совместной подготовке по противодействию кибератакам и ограничению ущерба. В числе приоритетов – развитие возможностей Сил первоочередного задействования НАТО.

Военное сотрудничество – одно из основных направлений развития НАТО.
Фото Reuters

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ РАЗВИЛКА: РОССИЯ – ПАРТНЕР ИЛИ ПРОТИВНИК

Можно ожидать, что стратегическая линия альянса скорее всего претерпит существенные изменения. В феврале 2013 года заместитель генсека НАТО Александр Вершбоу на конференции по безопасности в Норвегии утверждал, что уход из Афганистана знаменует своеобразный переход от вовлеченного в конфликт НАТО к НАТО, готового к операциям. Сегодня же в НАТО, ссылаясь на украинский кризис, говорят о новом периоде – оперативного сосредоточения на европейских рубежах сдерживания, чтобы полностью быть готовыми к быстрому реагированию на угрозу или применение силы против любого участника или региона альянса, включая сценарии, при которых у НАТО будет очень короткое время предупреждения.

Такой «кульбит» в стратегических планах НАТО приводит к качественному изменению обстановки. По мнению российского политолога Дмитрия Данилова, «холодная война так и не была завершена, в чем в России обвиняют Запад, игра с нулевой суммой определяет позиции игроков «от Ванкувера до Владивостока», а НАТО возвращается из Афганистана в Европу в качестве военно-политической опоры Запада для сдерживания России. Важнейшей для НАТО задачей, в том числе и в уэльской повестке,

остается укрепление трансатлантической связки: с одной стороны, альянсу следует обеспечить адекватное американское участие при дрейфе интересов США в направлении АТР, с другой – увеличить европейскую «партнероспособность» – вклад европейцев в коллективную безопасность и оборону».

Особенно заметен подобный тренд в развитии блока при реализации планов наращивания его военного потенциала в Восточной Европе, в первую очередь за счет создания инфраструктуры для развертывания войск, авиации и сил флота в Польше и Прибалтике, в замыслах военных учений, реализации программ перевооружения.

И это несмотря на то, что, согласно прогнозам аналитиков НАТО, вероятность вовлечения альянса в широкомасштабные боевые действия на сегодняшний день невысокая. Однако в рамках нагнетания антироссийских настроений принято решение активизировать боевую подготовку ОВС НАТО и процесс проведения учений, масштабность которых приобретает беспрецедентный характер. Для географии учений характерно обостренное внимание блока к Прибалтийскому району. Причины очевидны – здесь пролегают рубежи Союзного государства России и Белоруссии, важнейшие морские и трубопроводные пути, линии электропередач, размещены несколько АЭС. Неподалеку и Арктика, где альянс намерен учредить военное присутствие.

Серия военных учений последнего времени прямо указывают на то, что США и НАТО продолжают рассматривать Россию и союзную ей Белоруссию в качестве одного из основных геополитических противников.

Заметно возрос размах учений ОВС НАТО и партнеров в 2013 году, когда в ноябре на территории Польши, Прибалтики и в акватории Балтийского моря состоялись самые крупные за 65 лет существования альянса учения Сил первоочередного задействования Steadfast Jazz-2013. Согласно замыслу учений, некое «соседнее государство» предъявило Эстонии территориальные претензии и после отказа их удовлетворить совершило против Эстонии прямую военную агрессию. Для защиты подвергнувшегося нападению члена альянса была создана группировка в составе 7 тыс. военнослужащих из 28 государств – членов НАТО, а также Швеции, Финляндии. Украина направила для защиты «жертвы агрессии» роту морской пехоты.

Особенностью учения стала отработка защиты электронных средств связи и компьютерных сетей, а также проведение массированных кибератак. Организаторы учения исходили из предпосылки, что атака на сетевые ресурсы НАТО или одного из членов блока приравнивается к прямой агрессии. В этом случае альянс должен ответить скоординированной кибератакой, выводя из строя военные системы управления противника, осуществляя блокаду его госучреждений, банков, взломы интернет-сайтов, нарушая связь, работу систем жизнеобеспечения и промышленности, отключая электроэнергию, водоснабжение. Фактически речь идет о полной дезорганизации жизни на атакуемой территории.

В мае в Норвегии состоялись крупные учения Unified Vision 2014 по отработке взаимодействия систем разведки стран НАТО, включая космические средства, воздушную, морскую, наземную разведку и так называемую human intelligence – так в НАТО называют категорию разведанных, получаемых на основе сбора и передачи информации людьми. В июне с.г. завершились международные учения стран НАТО и партнеров Saber Strike 2014 и Baltops 2014, проходившие в Балтийском море и прибалтийских государствах в течение почти двух недель.

По заявлению главнокомандующего ОВС НАТО американского генерала Филиппа Бридлава, альянс рассматривает возможность размещения постоянных воинских контингентов в некоторых частях Восточной Европы. Уже сегодня, например, под

предлогом роста напряженности в отношениях с Россией увеличен до 12 боевых самолетов состав миссии воздушной полиции НАТО в Балтийских странах.

В целом военная активность НАТО у западных границ России в последние годы заметно возросла и в существенной мере превосходит масштаб оборонительных мероприятий Союзного государства России и Белоруссии. Подобные действия сопровождаются скоординированной дипломатической кампанией по обвинению России в якобы существенном наращивании военного потенциала в Калининградской области, во вмешательстве на Украине.

В развитие планов боевой подготовки НАТО в 2015 году намерено провести крупные войсковые учения, масштаб которых превысит все предшествующие. Ожидается, что США перебросят в Европу существенные силы для проведения совместной подготовки с Силами реагирования НАТО. Одновременно рассматривается возможность направить европейские войска для проведения учений на территории Северной Америки под натовским флагом, чтобы поддержать экспедиционную направленность альянса и продемонстрировать готовность Европы брать на себя свою долю ответственности.

Направленность и интенсивность боевой подготовки ОВС НАТО, реализация масштабных военно-технических программ свидетельствуют о поступательном наращивании альянсом потенциала для решения комплекса стратегических задач, включая расширение возможностей по проецированию военной мощи в глобальном масштабе, что в полной мере отвечает стратегии, направленной на формирование натоцентристской модели глобального доминирования. Такая стратегия придает смысл дальнейшему существованию НАТО и стимулирует продолжение дорогостоящих проектов и программ в военной сфере. Это Инициатива сопряженных сил, проект «умной обороны» с опорой на современные средства разведки и высокоточное оружие, развитие натовского компонента ЕвроПРО, создание новой структуры органов военного управления ОВС блока, расширение НАТО, сохранение в Европе американского ядерного оружия.

ЭВОЛЮЦИЯ АЛЬЯНСА В ПРЕДСТОЯЩИЕ ГОДЫ

События на Украине и завершение операции в Афганистане обещают стать заметным рубежом в процессе трансформации стратегических установок альянса, определяющих его позиционирование в рамках международного сообщества в условиях глобализации. Одновременно можно ожидать и изменений отношений внутри альянса. Сочетание этих двух важнейших процессов обуславливает эволюцию ключевых переменных преобразований альянса: их масштабов и ориентации.

В годы холодной войны жесткость биполярной системы обеспечивалась за счет существования двух устойчивых коалиций универсального характера, что предопределяло относительную стабильность стратегических установок блока и его геополитического кода. Однако с начала 90-х годов прошлого века динамика трансформации альянса получила серию дополнительных импульсов, наиболее существенные из которых были связаны с расширением блока и созданием сети партнерских связей, агрессией НАТО против Югославии, участием в операциях в Ираке и Афганистане, все более активным «подключением» блока к украинскому кризису.

Анализ перспектив постафганской эволюции альянса позволял прогнозировать дальнейшее развитие набирающей силу тенденции перехода НАТО от устойчивой и универсальной структуры, какой альянс был в течение многих десятилетий своего существования, к организации с системно возрастающим уровнем фрагментарности как внутри блока, так и во внешней сфере его деятельности.

Однако кризис на Украине вносит все более ощутимые коррективы в этот процесс. Ссылаясь на события в этой стране, Вашингтон сегодня стремится переломить тенденцию к фрагментарности внутри НАТО и добиться сплоченности союзников на монолитной

антироссийской основе, как это было во времена противостояния с СССР. Пока о результатах такой политики говорить преждевременно, поскольку в НАТО по-прежнему существует довольно широкий спектр мнений по отношению с Россией. По-видимому, более-менее консолидированная позиция альянса будет озвучена на саммите в Великобритании 4–5 сентября. Содержание ее скорее всего будет выдержано в полном соответствии со сложившимися стереотипами, которые позиционируют Россию как потенциальную угрозу и не дают оснований для иллюзий, связанных с возможным пересмотром стратегии альянса по «восточному» направлению. Опираясь на эту установку, НАТО продолжит политику расширения, в том числе нельзя исключить и попыток вовлечения в альянс некоторых ныне нейтральных государств, будет концентрироваться на задачах коллективной обороны, развертывании стратегической ПРО, наращивать военное присутствие в странах Восточной Европы и Балтии. В целом делаются шаги к возрождению атмосферы холодной войны, хотя достаточно серьезными являются позиции в НАТО сил, выступающих за сохранение формата партнерства с Россией.

Время покажет, насколько действия сторонников ужесточения позиции альянса будут соответствовать букве и духу основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничеству и безопасности между Россией и НАТО.

Можно ожидать дальнейшей активности НАТО в АТР, куда переносится центр тяжести американской военной политики в рамках противостояния растущей военной мощи Китая. Пока Североатлантический альянс обозначил свое присутствие в АТР за счет формирования партнерских отношений с Японией, Австралией, Новой Зеландией, Южной Кореей. Делаются шаги по развитию военного сотрудничества с КНР. Изменение баланса сил между тихоокеанскими державами в борьбе за лидерство позволяет прогнозировать дальнейшее расширение участия НАТО в делах региона.

Политика России в АТР в условиях подобного развития обстановки, по-видимому, должна строиться на балансировании, создании моделей взаимодействия с Западом, Китаем и другими государствами региона, которые в максимальной степени соответствовали бы российским интересам на других направлениях, в первую очередь обеспечению международной поддержки модернизации Сибири и Дальнего Востока. Современная обстановка в АТР в целом благоприятствует российским интересам: там нет блоков или стран, враждебно настроенных к России, наша страна не втянута в острые локальные конфликты, успешно развивается политическое и экономическое сотрудничество.

Отдельного упоминания заслуживает ситуация в Центральной Азии в контексте предстоящего вывода войск США и НАТО из Афганистана. Именно здесь имеются объективные условия для сохранения и развития партнерских отношений между Россией, США и НАТО в интересах противодействия широкому спектру угроз. К совместным интересам относится и борьба с международным терроризмом, противодействие распространению ОМУ. Таким образом, несмотря на решение НАТО прекратить практическое сотрудничество с Россией, взаимодействие по Афганистану – борьба с наркотрафиком, транзит грузов, «вертолетный» проект – все же должно продолжаться. По-видимому, объективный ход событий и совпадение интересов в отношении Афганистана неминуемо подтолкнут НАТО к продолжению партнерства с Россией в рамках реализации операции «Надежная поддержка». Можно ожидать, что консолидированная позиция НАТО по политическому диалогу с Россией скорее всего будет сформулирована на саммите.

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛИ БЛОКА

Можно предположить, что в процессе дальнейшей трансформации альянса в интересах успешного противодействия опасностям, рискам, вызовам и угрозам в первую очередь подвергнется пересмотру используемый НАТО алгоритм принятия решений. При этом неизбежно будут затронуты не только собственно военные, но и политические основы деятельности блока с учетом неудовлетворенности руководства США, Великобритании и некоторых других государств НАТО недопустимо медленным функционированием механизма принятия политических решений. Так, для выработки консенсуса по воздушной наступательной операции против Югославии, предпринятой вопреки позиции ООН, в 1999 году альянсу потребовалось несколько месяцев, а для решения о бомбардировках Ливии (при произвольном толковании полученного мандата ООН) – несколько дней. Сегодня вполне можно ожидать попыток сократить время реагирования на политическом уровне до нескольких часов. Об этом тоже, по-видимому, будет идти речь на предстоящем саммите.

Однако для выработки внутри самой организации единого стратегического понимания путей развития альянса предстоит еще немало поработать. Поэтому говорить о полном внутреннем единстве в НАТО по поводу ясной стратегии, общих целей и ценностей, разделяемых всеми участниками, пока преждевременно. Нет единства и при выполнении всеми участниками юридических, финансовых и других обязательств. Совокупность этих обстоятельств способна снизить стратегическую устойчивость альянса в различных ситуациях. Недостаток единства и решимости из-за несовпадения интересов союзников при оценке опасностей, рисков, вызовов и угроз является постоянно действующим фактором, влияющим как на выработку доктринальных документов, так и на принятие практических решений в различных ситуациях.

Вместе с тем, несмотря на имеющиеся разногласия, Вашингтон и Брюссель явно нацелены на формирование натоцентристской модели мира с превращением альянса в ключевой орган глобального военно-политического регулирования. Нельзя отрицать наличия объективных условий для реализации этих весьма амбициозных замыслов Запада. Международному сообществу пока не удалось создать в противовес НАТО альтернативный, параллельный или хотя бы аналогичный механизм, практически действующий в сфере обеспечения международной безопасности.

В этом контексте НАТО намерено всячески укреплять трансатлантические связи. Об этом ясно сказал генсек альянса Андерс Фог Расмуссен в Институте Брукинга в марте 2014 года. Он подчеркнул важность НАТО для Америки и отметил, что события на Украине являются суровым напоминанием, что безопасность в Европе не может считаться чем-то само собой разумеющимся. Ни Европа, ни Америка не могут добиться решения в одиночку. По его мнению, необходимо объединить усилия в рамках коллективной обороны, что будет способствовать закреплению американского военно-политического присутствия и гарантий в Европе. В качестве важнейшей опоры рассматривается ЕвроПРО, строительство которой теперь будет вестись не с учетом российских озабоченностей и поиска «гарантий ненаправленности», а, напротив, в русле гарантий евроатлантической безопасности, для которой Россия вновь представляет потенциальную угрозу. В свете этого очевидно, что США получают мощные рычаги влияния на Европу, возможности воздействия на «инакомыслящих», формирования по своему усмотрению новых инициатив, направленных против России.

Это означает, безусловно, вызов, но и создает новые возможности для выстраивания российской политики в переформатированном мире. Весьма своевременными и адекватными представляются в этом контексте действия России по развитию своего оборонного потенциала, укреплению ОДКБ, формированию стратегического партнерства с Китаем и созданию Евразийского союза.

